

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1978

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

Ю. А. Каменев

К ИСТОРИИ РЕФОРМ В ОСМАНСКОЙ АРМИИ в XVIII в.

С конца XVII в. Османская империя вступила в период быстрого упадка своего военного могущества, ослабления власти центрального правительства и роста сепаратизма местных феодалов.

Одним из наиболее ярких проявлений этого процесса стал кризис военно-ленной системы, лежавшей в основе социально-экономической структуры государства. Первые признаки ее разложения появились еще во второй половине XVI в. С того времени сборы с условных владений — тимаров — перестали покрывать военные расходы, лежавшие на их держателях — сипахи. Последние стали терять интерес к своим тимарам, их боевой дух и желание воевать также неуклонно падали.

Чтобы приостановить снижение боевой мощи сипахийского ополчения, правители страны на протяжении всего XVII века организовывали один завоевательный поход за другим, надеясь на захват новых земель и богатую добычу. Однако этим планам не суждено было сбыться. По существу, сложился порочный круг: тимариотская система утратила свое положительное значение для класса феодалов, но по-прежнему стимулировала новые войны, которые влекли за собой лишь поражения Турции, разорение податного населения и дальнейшее разложение самой системы. Русский посол в Стамбуле А. М. Обрезков в середине XVIII в. так обрисовал сложившуюся ситуацию: «Начало и основание их (турок) есть оружие, выпустя его из рук, они не знают, за что ухватиться, и бьются, как рыба на земле...»¹.

Распаду военно-ленной системы в Османской империи посвящено большое число работ². Здесь нет необходимости повторять все выводы исследователей. Отметим лишь, что, по мнению советских историков, причины кризиса связаны с дальнейшим развитием османского феодализма, в частности с усилением тенденции к складыванию крупного частнофеодального землевладения. Этот процесс был ускорен рядом других факторов, в том числе увеличением численности населения в Румелии и Анатолии, революцией цен в конце XVI в., переносом основных международных торговых путей на океан, переходом к массовому использованию огнестрельного

оружия. Последнее явление изучено пока сравнительно мало, и потому на нем следует остановиться подробнее.

Характер военных формирований, как отмечали классики марксизма, определяется экономическими условиями соответствующей эпохи, а равно и социальной сущностью государства и его политики. Широкое внедрение огнестрельного оружия в османской армии в XV—XVI вв. может рассматриваться как отражение определенных процессов, происходивших в социально-экономической жизни турецкого общества. Вместе с тем сама эволюция военной техники и организации войска не может быть строго детерминирована эволюцией производственных отношений в данной стране. Являясь результатом постоянного взаимодействия обществ, находящихся на разных уровнях развития, она обладает определенной независимостью от условий данной страны и, в свою очередь, способна оказывать достаточно сильное воздействие на общественный прогресс.

К. Маркс писал, что «война достигла раньше развитых форм, чем мир» и такие экономические отношения, как наемный труд, применение машин и т. д. развились в военной организации раньше, чем внутри гражданского общества³. Эта мысль К. Маркса находит свое подтверждение и в турецкой истории. Массовое использование огнестрельного оружия в Османской империи ускорило назревание кризиса существовавших здесь порядков и подтолкнуло к попыткам их преобразования.

Сложившаяся в XV—XVI вв. военно-ленная система закрепляла обычное для феодальных войск предшествующих эпох преобладание конного ополчения, вооруженного холодным оружием, — саблями, пиками, луками и т. д. На протяжении XVI—XVII вв. численность сипахийской кавалерии составляла 150—200 тыс. человек⁴, тогда как пехотные части (в основном янычары) в XVI в. насчитывали не более 30 тыс., а в XVII в. порядка 50 тыс. человек⁵.

Соответствующей была и тактика военных действий. Османская армия строилась в виде овала или полумесяца (выпуклой стороной к противнику), янычары и прочие регулярные подразделения располагались в центре, защищаясь окопами, пушками и повозками, т. е. образуя «вагенбург» (построение обоза в виде четырехугольника или какой-нибудь другой формы в зависимости от местности). Сипахийская кавалерия находилась на правом и левом флангах, а также в тылу. Она должна была осуществлять стремительные и неожиданные атаки, ложные отступления, просачивание к флангам и в тыл противника и, наконец, общую атаку кавалерии⁶. Это была старая тактика арабских и тюркских кочевников, заключавшаяся в стремительной атаке, ложном отступлении и новой атаке (алкарр ва-л-фарр)⁷. Порядка и строя такая наступающая масса не соблюдала, в бою каждый воин действовал по своему усмотрению, а в случае разгрома на исходе атаки перестроиться и вновь организовать они уже не могли⁸.

С самого создания империи османским правителям приходи-

лось вести непрерывные войны на европейской территории с противником, применявшим во все возрастающем масштабе огнестрельное оружие, и потому оно очень рано появилось и в турецкой армии. Пушки отливались в Малой Азии уже с 1364 г. и использовались в войне против Караманского бейлика в 1387 г., а также в сражении на Косовом поле в 1389 г.⁹ Примерно через сто лет (к концу правления султана Мехмеда II Фатиха) в османской армии имелись все основные виды оружия, требовавшие применения пороха: осадная и полевая артиллерия, мортиры, бомбы, мины, аркебузы¹⁰.

Соответственно возросла роль артиллерии в сражениях. Чаше всего османы устанавливали пушки перед янычарами или в интервалах пехотных порядков¹¹. Победитель турок при Сен-Готарде в 1664 г. Монтекукули (1609—1681) отмечал, что османская артиллерия способна нанести значительный урон, хотя и поглощает большое количество боеприпасов и является слишком громоздкой и тяжелой при транспортировке. Общеизвестно, что применение огнестрельного оружия, прежде всего артиллерии, сыграло решающую роль в победах турецких войск в сражениях с армиями Сефевидов и египетских мамлюков.

Большую роль в обучении турок-османов передовому военному искусству и технике первоначально сыграли сербы, боснийцы и венгры, которые поступали на службу к ним в качестве артиллеристов и аркебузирова; позднее, на протяжении всего XVI века и после специалисты европейского происхождения — сперва это были главным образом немцы и итальянцы, а затем французы, англичане и датчане — стали неотъемлемой частью различных подразделений, связанных с применением пороха и огнестрельного оружия¹².

Мушкет уже не являлся новинкой к середине XV в.¹³. Относительно быстрое внедрение стрелкового оружия в османской армии объясняется, в частности, и наличием у султанов янычарской пехоты, вооруженной первоначально луками. И хотя процесс замены лука аркебузой, а затем мушкетом по времени был довольно длителен, без наличия такого корпуса перевооружение было бы еще более длительным и сложным¹⁴.

Что касается технических характеристик различных типов вооружения, то в XV—XVII вв. они в основном были такими же, как и в странах Европы. Вплоть до XVII в. применялись фитильные ружья, мушкеты, пистолеты. Затем, при Мураде IV (1623—1640) на вооружение были приняты кремневые ружья и карабины, применявшиеся вплоть до начала XIX в.

Работы некоторых авторов позволяют констатировать, что в отношении оружия Османская империя вписывалась в общую линию развития вооружения в Европе, сохраняя присущий ему восточный характер¹⁵. В частности, в османской армии делался большой упор на изготовление осадных пушек огромных калибров: да-

же пушки не самых больших калибров весили около 18 т¹⁶. Полевой артиллерии уделялось мало внимания. В Европе уже с конца XV в. основное внимание было перенесено на изготовление легких полевых пушек. Турки не придавали полевой артиллерии большого значения, «их неоспоримое превосходство в маневренных боях и феодальная структура их армии содействовали этому отставанию... Очевидно, что они продолжали направлять основные усилия на производство осадных пушек и отстали от Запада как в производстве, так и в использовании полевой артиллерии»¹⁷.

Пока изготовление полевых пушек не получило полного развития в Западной Европе, отставание не было так заметно. Но очень скоро технический прогресс в этой области стал столь стремительным, что в XVII в., особенно с момента создания легких трехфунтовых шведских пушек, весивших 123 кг, разрыв стал настолько большим, что османам уже не удалось догнать в этой области европейцев (в этом, в частности, проявился наступательный характер вооружения в Западной Европе)¹⁸.

Поэтому, когда Османская империя вступила в войну с Россией в 1768 г., то у нее было очень мало полевых пушек, но зато много огромных и громоздких орудий¹⁹, для изготовления которых требовалось очень много металла (медь, железо, олово). Хотя на территории империи имелось множество рудных месторождений (особенно медных)²⁰, своего металла османам не хватало, и его приходилось ввозить из Европы (из Англии, Австрии, Голландии и Дании). Правительства этих стран неоднократно запрещали вывоз металлов в Османскую империю, но «эти запреты, часто возобновляемые, оказывали мало действия: поток военного снаряжения в Османскую империю непрерывно возрастал, несмотря на все усилия Австрии, Испании, папы и рыцарей ордена Св. Иоанна на Мальте захватить хорошо вооруженные корабли, которые везли контрабанду по Средиземному морю в порты Леванта»²¹. Англичане, а позже и датчане вели весьма выгодную для себя торговлю с османами военным сырьем. Нелегальная торговля не ограничивалась одним «стратегическим сырьем», она распространялась и на продажу новых видов оружия²².

Обращение к огнестрельному оружию, или своеобразная «пороховая революция», по выражению американского историка Мак-Нейла, привела к падению роли феодального ополчения и усилению роли постоянного войска (капыкулу), состоявшего на жалованье у султана. В него входили янычарская пехота, гвардейская конница, корпуса пушкарей (топчу), оружейников (джебеджи), артиллерийской обозной службы (топ арабджи) и водовозов (сака). Сюда же причислялся корпус аджем-и огланов, где осуществлялась подготовка христианских детей к службе в капыкулу. На протяжении XVI в. была произведена реорганизация янычарского корпуса, превратившая стрелков из лука в мушкетеров.

Поскольку тимариоты перестали выполнять свои функции по

поддержанию порядка в провинциях, Порта была вынуждена размещать гарнизоны янычар не только в пограничных крепостях, но и во всех крупных периферийных центрах. В результате рост войска, состоявшего на регулярном денежном содержании, продолжался и к началу XVIII в. (в 1703—1704 гг.) оно насчитывало 196,2 тыс. солдат, среди них 53,2 тыс. янычар²³. В то же время официальная численность феодального ополчения, по данным Марсильи (конец XVII в.), понизилась до 125 тыс. человек²⁴.

Встав на путь увеличения постоянной армии, османское правительство неизбежно должно было столкнуться с рядом серьезных трудностей. Так, прежний способ набора и пополнения янычар за счет девширме («кровного налога», взимавшегося с христианского населения) оказался явно недостаточным, и уже с начала XVII в. постоянные войска стали комплектоваться в основном из мусульман. Многие янычары были одновременно ремесленниками или занимались торговлей. Янычарские офицеры обзавелись лавками, стали обращаться к ростовщичеству. Боевую подготовку проходили только дети янычар, сами же янычары, как правило, занимались обычными делами и жили вне казарм. Все вместе они собирались лишь в дни выдачи жалованья. Ясно, что уровень боеспособности и дисциплинированности таких солдат был весьма невысок.

Еще сложнее была проблема изыскания средств для содержания столь многочисленной постоянной армии. С конца XVI в. Османское государство находилось в состоянии постоянного финансового кризиса, вызванного все увеличивавшимся разрывом между уровнем расходов и поступлений в центральную казну. При каждой задержке выплаты жалованья янычары, а также солдаты постоянной армии грозили мятежом. Подобный мятеж янычар, вспыхнувший в 1703 г., привел к низложению султана Мустафы II.

Существование многочисленного постоянного войска, вооруженного огнестрельным оружием, открывало перспективы перехода к регулярной армии абсолютистского образца. Однако осуществление такой реорганизации армии требовало не только людских ресурсов и финансовых средств, но и создания обученного офицерского корпуса, способного не только осознать необходимость перехода к новой военной организации и новой тактике ведения боя, но и реализовать эти идеи на практике. Формированию подобного корпуса препятствовала существовавшая система Османского государства. Характеризуя особенности Османской империи и других восточных деспотий, советский исследователь В. И. Павлов пишет: «Сословная незрелость восточнодеспотического общества сказалась также в попытках образовать регулярную армию абсолютистского образца. Если рядовые пехотинцы и даже артиллерийская прислуга усваивала европейские приемы боевой подготовки, то командный состав оставался и в профессиональном и, тем более, в мировоззренческом и политическом отношениях на уровне

вождей феодально-племенных ополчений. На Востоке не оказалось социальной среды (типа европейского дворянства) для формирования офицерского корпуса, сплоченного духом сословного и национального единства»²⁵.

Таким образом, на протяжении XV—XVII вв. османы смогли заимствовать некоторые военно-технические достижения европейцев, хотя пойти дальше стадии заимствования им не удалось. Совсем по-другому стало обстоять дело тогда, когда достигнутый в Европе прогресс привел к выработке принципиально новой тактики, требовавшей применения огнестрельного оружия в тесном взаимодействии пехоты и кавалерии. Заимствовать новый комплекс идей, заложенных в тактическом построении, османы уже не смогли, так как для этого им бы пришлось коренным образом изменить структуру своих армий и даже весь механизм своей правительственной машины²⁶.

К началу XVIII в. отставание Османской империи от европейских стран стало очевидным; расстройство армии, упадок ее боеспособности уже не были секретом ни для султанов, ни для государственных деятелей. Необходимость реформ стала общепризнанной. Правительство пыталось поднять боеспособность армии с помощью европейских инструкторов, но их деятельность затрагивала главным образом артиллерию и саперные войска. Так, в 1734 г. граф Бонневаль (1675—1747), принявший ислам и известный как Хумбараджи Ахмед-паша²⁷, произвел реорганизацию бомбардирного корпуса по европейскому образцу, но после его смерти все вернулось к прежнему состоянию.

Военные поражения конца XVII — начала XVIII в. способствовали появлению идеи необходимости реформ во всей существующей организации государства, и прежде всего в военной. Видное место в процессе приобщения османов к западной культуре принадлежало венграм, участникам антигабсбургских выступлений XVIII в., нашедших убежище в Османской империи и надеявшихся с помощью ее армии вернуться на родину. Среди них был венгр, известный после принятия ислама под именем Ибрахима Мутеферрики (1674—1745)²⁸, который сыграл важную роль в истории турецкого просвещения, став, в частности, первым турецким книгопечатником.

Мутеферрика был одним из наиболее известных реформаторов своего времени. В 1732 г. он написал трактат «Усул ал-хикам фи низам ал-умам» («Основы мудрости в устройстве народов»), в котором логически развивалась необходимость для Турции учиться и заимствовать все новое и передовое из Европы. Он показал причины упадка Османской империи, описал современные формы правления, методы ведения войны и военную организацию европейских армий, указал средства устранения недостатков, существовавших в системе организации Османского государства. Этот трактат явился большим событием в общественной и культурной

жизни Турции того времени²⁹. Нас же, в частности, интересует тот раздел его, который посвящен методам ведения войны в странах Западной Европы.

Ибрахим Мутеферрика подробно описал и впервые познакомил турок с применявшейся в то время в сражениях европейских армий линейной тактикой. Эта новая тактика давала возможность наносить мощные по тому времени фронтальные огневые удары как при атаке, так и при ее отражении в обороне. В линейном построении взаимодействовали пехота, конница и артиллерия, что выдвигало повышенные требования к командованию всех ступеней армии. В то же время силы и средства равномерно распределялись по фронту, резерв, как правило, не выделялся, боевой порядок не имел тактической глубины и поэтому сокращались возможности маневра на поле боя.

В целом же возникновение в XVII в. линейного построения армий было прогрессивным явлением в военном искусстве, новым этапом в развитии тактики³⁰. Боевой порядок пехоты все более приближался к линейному строю, при котором исход битвы решался ружейным огнем. При большой неточности каждого отдельного выстрела с самого начала отказались от прицеливания и даже от обучения ему и искали достижения эффекта в возможно скорее производимом залпе за залпом, массовом огне по команде. Особенное значение придавали тому, чтобы залп был дружным, звучал как один выстрел. Предполагалось, что одновременное попадание в противника такого большого количества пуль усилит деморализующее действие огня.

Боевой строй состоял из двух эшелонов боевого порядка, каждый эшелон выстраивался в виде линии, состоявшей в большинстве случаев из шести шеренг. С появлением в конце XVII в. кремневого ружья со штыком, заряжающегося готовыми патронами, линия все больше удлинялась и все большее количество ружей вступало в действие одновременно. Эти длинные и тонкие боевые линии могли двигаться в боевом порядке только на ровной местности, где не встречалось препятствий, да и то лишь медленно, делая 70—75 шагов в минуту. Во время атаки пехота должна была, поддерживая непрерывный огонь и сохраняя первоначальное построение, продвигаться вперед и под конец броситься вперед в штыки на неприятеля, решив исход битвы одним сокрушительным ударом.

Этот способ ведения боя представлял собой неизбежное следствие двух материальных факторов. Одним из них был людской состав на вербованного султаном войска, которое отчасти составлялось даже из насильно зачисленных в армию военнопленных,— оно было хорошо вымуштровано, но ненадежно, только палка держала его в повиновении. Вторым фактором являлось вооружение — неуклюжие тяжелые пушки и гладкоствольные, быстро, но плохо стрелявшие кремневые ружья со штыком³¹. Мы видим, что

рассмотренная выше тактика вполне соответствует такому контингенту армии: рядовому ничего не остается делать самому, ему надо только слушаться; он идет, маршируя в ногу, имея справа и слева по офицеру, сзади — замыкающего, которые могли заколоть или застрелить каждого заколебавшегося. При такой тактике личная воля солдата, если он только остается под контролем офицера, не играет особенной роли и можно было рисковать «подмешивать» в строй чрезвычайно разношерстные элементы³².

Ибрахим Мутеферрика называет эту новую тактику «новым устройством» («низам-и джедид»), ее сущность, по мнению автора, заключается «в удивительной организации рядов во время сражения и мгновенном повиновении (солдат офицерам)»³³.

Он правильно рисует картину сражения двух армий по принципам линейной тактики. Для примера он берет две двенадцатитысячных армии, показывает, как они строятся в две линии глубиной в шесть шеренг, каждая по тысяче человек, соблюдая при этом полное равнение. Затем по команде открывался огонь поочередно каждой из шести шеренг. «Когда первый полк приблизится к неприятелю, то тысяча рядовых... в первой шеренге одновременно стреляет... и сразу же встает на колени или отходит назад. Второй ряд переходит на его место и также одновременно стреляет», это же проделывают и остальные шеренги. «Они совершенно не делают передышки (в стрельбе)... Ряды соблюдают равнение... Ни один человек в этот момент не осмелится броситься к своему отцу или брату или под каким-либо предлогом отступить назад. Офицер беспощадно убивает того, кто попытается совершить поступок такого рода; по уставу кровь таких проливается безнаказанно»³⁴.

Довольно подробно описывает Мутеферрика пути победы османов над вражеской армией, которую он рекомендует «отрезать от больших рек, являющихся легким средством для подвоза провианта и снаряжения врагу... Держать вдали от лесов и заставлять передвигаться взад и вперед по открытым местам и не давать возможности (вступать) в сражение»³⁵. Это описание типичной для того времени стратегии истощения, которая «предпочитает изнурить врага, отрезав его от базы, заставить его разбить себе голову об укрепленные позиции... или обходить его при помощи стратегических маневров и т. п.»³⁶.

К концу XVII в. в Европе выработались определенные и устойчивые формы организации пехоты. Tактической единицей был батальон, который имел от 500 до 700 человек. В трактате Мутеферрика такая единица называется «бёлюк» или «орта». В отношении количественного состава рекомендуется, что «хотя большинство (бёлюков) насчитывает 1000 или 2000 рядовых, весьма желательно, чтобы (бёлюк) состоял из 500 рядовых»³⁷.

В европейских армиях в то время появились поздрозделения (роты) отборной пехоты (гренадеры), вооруженные вначале гра-

натами для метания перед рукопашным боем. Но вскоре на вооружении гренадер остался лишь мушкет. В армиях некоторых германских княжеств были сформированы части карабинеров³⁸.

В трактате это также нашло свое отражение: «...если полк состоит из 2000 рядовых, то среди них выбирают крепких и сильных солдат. 200 рядовым из каждого полка дают по три ручные гранаты. Они называются гренадерами. Их назначают и расставляют на двух флангах подразделения, используют при нападении на траншеи и при столкновении с рядами вражеских солдат»³⁹. Далее описываются подразделения драгун, рейтар и кирасир, причем последние вооружены карабинами (отчего некоторые называют их карабинерами).

Важным для Ибрахима Мутеферрики был вопрос единообразия форм одежды. Во Франции в 1670 г. единообразную форму надела вся пехота, а в 1690 г. вся конница, в Австрии эта форма окончательно утвердилась в 1720 г. Ибрахим Мутеферрика указывал на преимущества единообразной формы, требовал ее введения, ссылаясь на европейский опыт⁴⁰.

Не забыт им и штык, который вытеснил пику с вооружения в австрийской армии в 1689 г., а во Франции — в 1703 г. Пехота стала состоять из одних мушкетеров, получивших на вооружение мушкет с кремневым замком и со штыком. В трактате читаем: «Только рядового пехоты называют солдатом. Его боевое оружие ограничивается лишь длинным ружьем со штыком. Солдат носит его у пояса. Когда требуется, то его примыкают к концу ружья и применяют вместо копья, когда колют. Сила и умение этого войска заключается в том, что при помощи многочисленных упражнений и долгих занятий (оно) в совершенстве выучивается организованно строиться рядами, быстро заряжать ружья и в зависимости от позиции в бою делать повороты направо и налево»⁴¹.

Не забыт им и вопрос об офицерских кадрах. Он указывает на то, что должно быть достаточное количество офицеров: так, в батальоне из 500 человек одна четвертая часть должна приходиться на офицеров. «Солдаты,— пишет он,— находятся под командой младших офицеров, а они повинуются непосредственному старшему командиру»⁴².

Вопросы денежного довольствия также не ускользнули от его внимания. Офицерам «следует выдавать (жалованье) в достаточном количестве... для того чтобы они в случае нужды не зарились на жалованье рядовых и ни один рядовой орта из-за их жадности не терпел бы (в чем-либо) убытка»⁴³.

Подробно рассматриваются в трактате караульный и полевой уставы и такое новшество, как пароль⁴⁴.

Таким образом, даже краткое перечисление вопросов, затронутых Ибрахимом Мутеферрикой, показывает, что он прекрасно разбирался в военных вопросах и, в частности, отлично представлял себе линейную тактику европейских армий.

Однако в силу исторических условий мысли, высказанные в его трактате, получили практическое применение лишь почти через сто лет — в 1826 г., после уничтожения янычарского корпуса, когда появились предпосылки для создания армии по европейскому образцу. Эта новая армия стала обозначаться термином, введенным Ибрахимом Мутеферрикой, — «низам-и джедид».

Тем не менее эта работа впервые познакомила турок и всех мусульман с новой тактической системой западноевропейских армий, в ней был представлен полный проект реформ, необходимых для реорганизации османской армии по новому, прогрессивному образцу.

¹ Цит. по: А. Ф. Миллер. Мустафа-паша Байрактар. М.—Л., 1947, с. 36.

² О политической и экономической ситуации в Османской империи конца XVII—начала XVIII в. см.: А. Д. Новичев. История Турции. Т. I. Эпоха феодализма (XI—XVIII вв.). Л., 1963; С. Ф. Орешкова. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971; Б. Цветкова. К исследованию аграрных отношений в Османской империи с конца XVI до середины XVIII в.—Труды XXV международного конгресса востоковедов. Т. II. М., 1963, с. 421—429. V. Mutafchieva, S. A. Dimitrov. Sur l'état du système des timars des XVII-e—XVIII-e ss. Sofia, 1968; B. Lewis. The Emergence of Modern Turkey. L., 1961; H. A. R. Gibb and H. Bowen. Islamic Society and the West. Т. I—II. L., 1950—1957; I. H. Uzunçarşılı. Osmanlı tarihi. Т. 4. R. I. Ankara, 1959.

³ К. Маркс. Осадное положение повсюду.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 6. Ч. 1, с. 46.

⁴ По мнению Кочибея (30-е годы XVII в.), в конце XVI в. численность сипахийского ополчения была не менее 187 тыс. (см.: В. Д. Смирнов. Кочибей Гомюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции. СПб., 1913, с. 91—92). По данным Али Чауша (1653 г.), феодальное ополчение составляло 148 621 человек (см.: Трактат Али Чауша из Софии о тимариотской организации в Османской империи XV—XVIII вв.—Аграрный строй Османской империи XV—XVIII вв. М., 1963, с. 93—98).

⁵ I. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti teşkilâtından kapıkulu ocakları. Т. I. Ankara, 1943; с. 429, 611—618.

⁶ L. Warnery. Remarques sur le militaire des Turcs et des Russes. Breslau, 1771, с. 246; V. J. Parry. Harb.—The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Т. 3. Leyden—London, 1971, с. 193.

⁷ Зайончковский. О стратегемах и военных уловках по турецким источникам (трактат о военном искусстве Adab-i harb).—Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. III. М., 1974, с. 9—25.

⁸ L. Warnery. Remarques sur le militaire..., с. 79.

⁹ I. H. Danişmend. İzahlı osmanlı tarihi kronolojisi. Т. I. İstanbul, с. 73.

¹⁰ V. J. Parry. Barud.—The Encyclopedia of Islam. Т. I. 1965, с. 1062.

¹¹ M. Bron. Taktyka walki w polu Turkow osmanskich w XVI wieku.—«Przegład orientalistyczny», № I(93). Warszawa, 1975, с. 68.

¹² A. Z. Hertz. Armament and Supply Inventory of Ottoman Ada Kale, 1753.—Archivum Ottomanicum. Т. II. Hague, 1970. с. 98—99; C. M. Cipolla. Guns and Sails in the Early Phase of European Expansion, 1400—1700. L., 1965, с. 94.

¹³ P. Wittek. Appendix to: D. Ayalon. Gunpowder and Firearms in the Mamluk Kingdom. L., 1955, с. 143.

¹⁴ D. Ayalon. Gunpowder..., с. 102.

¹⁵ A. Z. Hertz. Armament and Supply Inventory..., с. 97—102; H. Dj. Sironi, C. König. Armes turques du XVI-e au XIX-e siècles au Musée Militaire Central du Bucarest.—«Studia et Acta Orientalia». Bucarest, 1968, № 7, с. 278—

281.

¹⁶ С. М. Cipolla. *Guns and Sails...*, с. 95.¹⁷ Там же, с. 98.¹⁸ Там же, с. 74; А. Z. Hertz. *Armament and Supply Inventory...*, с. 102.¹⁹ *Mémoires de baron de Tott. T. II. R. 3. Amsterdam, 1784*, с. 114.²⁰ H. A. R. Gibb and H. Bowen. *Islamic Society and the West. T. I. Ч. I*, с. 68; R. Anhegger. *Beiträge zur Geschichte des Bergbaus im Osmanischen Reich. Istanbul, 1943—1945*, с. 133—147, 168, 173—174, 204—220, 210—212.²¹ V. J. Parry. *Materials of War in the Ottoman Empire.— Studies in the Economic History of the Middle East. N. Y.—L., 1970*, с. 226.²² Там же, с. 226—227.²³ W. L. Wright. *Ottoman Statecraft. The Book of Counsel for Vesirs and Governors of Sari Mehmed Pasha the Defterdar. Princeton, 1935*, с. 104—105.²⁴ А. Ф. Марсильи. *Военное состояние Оттоманской империи с ее приращением и упадком. СПб., 1737*, с. 97.²⁵ Е. М. Жуков, М. А. Барг, В. И. Павлов, Е. Б. Черняк. *Основные закономерности всемирно-исторического процесса. М., 1979*, с. 248.²⁶ V. J. Parry. *Warfare.— The Cambridge History of Islam. T. II. Cambridge, 1970*, с. 849—850.²⁷ H. Bowen. *Ahmad Pasha Bonneval.— The Encyclopedia of Islam. T. I*, с. 291—292.²⁸ N. Berkes. *Ibrahim Muteferrika.— The Encyclopedia of Islam. T. III*, с. 1021—1023.²⁹ Ibrahim Muteferrika. *Usul al-hikam fi nizam al-umam. Istanbul, 1144/1732 (далее — Усул). Об этом трактате см.: G. Toderini. Letteratura Turchesca. T. III. Venezia, 1787*, с. 97—108; F. Babinger. *Stambuler Buchwesen im XVIII Jahrhundert. Lpz., 1919*, с. 15; N. Berkes. *The Development of Secularism in Turkey. Montreal, 1964*, с. 42—45.³⁰ Е. А. Разин. *История военного искусства с древнейших времен до первой мировой войны 1914—1918 гг. Ч. 2. М., 1940*, с. 438—439.³¹ Ф. Энгельс. *Тактика пехоты и ее материальные основы 1700—1870 гг.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 20*, с. 656—657.³² Г. Дельбрюк. *История военного искусства в рамках политической истории. Т. IV. Новое время. М., 1938*, с. 233.³³ Усул. Лл. 33а, 21а, 176.³⁴ Там же, лл. 43а—б, 44а.³⁵ Там же, л. 31а.³⁶ Ф. Меринг. *Очерки по истории войн и военного искусства. М., 1956*, с. 150.³⁷ Усул. Лл. 35а.³⁸ Е. А. Разин. *История военного искусства с древнейших времен...*, с. 491.³⁹ Усул. Лл. 40а.⁴⁰ Там же, лл. 35а—б.⁴¹ Там же, л. 39б.⁴² Там же, лл. 36а—б.⁴³ Там же, л. 37а.⁴⁴ Там же, лл. 41а—42б.